

От Логоса до Мифа

Андрей Владимирович Тихонов

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории отечественной и зарубежной философии Южного федерального университета

avtihonov@sfedu.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка противопоставить два различных типа философии. В основе первого типа лежит природа логического знания, обозначенная в статье как «логос», в основе второго – природа «свободного» философствования, обращенного к теме бессознательного, и обозначенная в статье как «миф». В связи с этим, для обрисовки первого типа философствования происходит обращение к монографии Ю. Гладких «Логика без экзистенциальных предпосылок»; для обрисовки второго – к рассуждениям К.Г. Юнга о мифе и бессознательном.

Ключевые слова: Логика, Ю. Гладких, мышление, экзистенция, субъект, К. Юнг, миф, бессознательное.

From Logos to Myth

Andrey Tikhonov

Ph.D., associate professor of Southern Federal University

avtihonov@sfedu.ru

Abstract: The article attempts to contrast two different types of philosophy. The first type is based on the nature of logical knowledge, designated in the article as "logos", the second is based on the nature of "free" philosophizing, addressed to the topic of the unconscious, and designated in the article as "myth". In this regard, in order to outline the first type of philosophizing, there is an appeal to the monograph of Yu. Gladkikh's "Logic without existential prerequisites"; to outline the second - to K.G. Jung's arguments about myth and the unconscious.

Keywords: Logic, Yu. Gladkikh, thinking, existence, subject, K.G. Jung, myth, unconsciousness

---

О логосе

«Логика без экзистенциальных предпосылок» - название монографии Ю. Гладких, вышедшей в 1984-м году. Что может означать это название, каков замысел этого исследования? Для людей, занимающихся философией, и имеющих неглубокое погружение в дисциплину «Логика», вполне справедливой кажется идея, что логика и должна быть свободна от всякого рода субъективности, различных форм психологического, области экзистенциального. Почему же Ю. Гладкиху понадобилось защищать логику от «экзистенциального», показать ее принадлежность к области, как говорится, неких объективных смыслов? От кого или от чего мы вынуждены оберегать логику?

Предметами логики являются «понятия, суждения, рассуждения» [1, с. 6], но также логика понимается как «наука о правильном мышлении» [1, с. 6], и такое понимание логики, оказывается, может предполагать связь ее областей и смыслов с неким содержанием,

принадлежащем субъекту: все зависит от того, как будет пониматься само мышление. «Высказывания и термины самых различных форм и категорий» [2, с. 36], то есть сама «практика», речевая и мыслящая, как мы ее понимаем, - вот что определит степень зависимости логики от экзистенциального.

Вопрос независимости логического от экзистенциального, фактического (естественного) знания от субъективного, есть вопрос о независимости самого «оперирования концептуальными средствами» [2, с. 38], составляющего содержание логики как науки, от всего психологического. По сути, это вопрос о существовании вне-субъективного субъективного. Так как вышеуказанное «оперирование» производит сам субъект, то можно поставить вопрос: до какой степени эти операции, производимые субъектом, являются такими операциями, в которых не будет вовлечено ничего другого из того, что обычно связывается с областью субъективного вообще: например, явления воли, спонтанное рождение текста, «духовность», мир целей и так далее? Возникает настоящая философская проблема: насколько все эти перечисленные явления мешают не только изучению логического процесса, но и самому его протеканию? Поскольку И. Кант постулировал разные виды деятельности разума, то тогда можно заключить, что логико-теоретическая способность разума есть одна из его способностей, а все, что относится к области этики, веры, творчества – просто относится к другим разумным способностям. Но это не снимает проблемы понимания той границы, очерчивающей природу логического, за которой адекватное представление о логическом теряется.

Разработчик оснований логики, и создатель ее первичного инструментария Аристотель не вводил в сферу логического рассмотрение вопросов, например, восприятия, и не видел проблемы появления психологизма в логике. Зато в сфере логического он «различия форм речи рассматривает как логические различия» [3, с. 78], что говорит о грамматической основе логики. Также за логикой у Аристотеля стоит и онтология, поскольку принципы органа применяются, конечно, ко всему возможному человеческому знанию, в том числе и к первой философии.

Проблема параллелизма логического и психологического – одна из основных проблем западной философии, появляющихся в своем чистом виде в 19 веке. Но не всегда этот параллелизм предполагался устойчивым, выдержанным до конца. Например, утверждаемая В. Вундтом разность содержания науки о мышлении и психологии, то есть фактов и сочетаний элементов психической жизни, им сохраняется лишь до того момента, пока он не утверждает, что «волевое» действие «является первичным» [4, с. 774]. То есть, при попытке помыслить одновременно физическое (которое управляется логическим, по Вундту) и психическое, выигрывает именно «воля», то есть явление, исходящее из психического мира.

Дальнейшая спецификация понятия «экзистенциальное» у Ю. Гладких, его развитие представления об «экзистенциальном» в сфере чистой логики, увеличивает представление о ее формально-инструментальном характере, присоединяя понятие «не-экзистенциал» к возможным высказываниям, в содержание которых могут входить и несуществующие объекты. Таким образом, «не-экзистенциальное» не относится к сфере реальности, к сфере действительного существования и не-существования, а относится к типам высказываний, в которые входят несуществующие объекты, а такие высказывания, в свою очередь, легко могут входить в объем имеющегося набора высказываний у субъекта.

О мифе

К высказываниям, которыми бы занималась логика «без экзистенциальных предпосылок», относятся и те, которые с точки зрения высказывающих их субъектов, конструируют некоторую «мифологическую реальность». Миф может пониматься как некое внечеловеческое начало, как возможное условие соотнесения преходящего с вечным, как само явление «архетипов» и их ясное представление. Такие характеристики

предполагают наличие духовной субстанции, к которой мифологическое бытие имеет какое-то отношение, так как оно располагает активными образами («архетипами»), берущими свое начало в этой общей духовной субстанции. Эти активные образы относятся ко всем людям, благодаря общей им психически-генетической структуре, и соотнося свои действия с этими образами, человек вовлекается в сложную систему осознанных, полусознанных и бессознательных отношений. Разнообразие отношений же, в свою очередь, воспроизводится в мифических сказаниях, сказках, сновидениях, что говорит о том, что в мифе мы имеем дело не просто с историями, а сами эти истории являются выражением попыток моделирования различных миров. Миф субстанционально значим для человека, и он есть «непосредственное чувство великих реальностей духа» [5, с. 11].

Тот факт, что человек вовлекается в миф в акте моделирования бытия, говорит о том, что помимо субстанциональных характеристик, миф – это еще и «живописное формообразование» [5, с. 13], способное к внутренней «трансформации». «Формообразование» и является моделирующей активностью, поэтому миф можно сравнить с живым существом, отдаляющемся и приближающемся к человеку, и говорящему в нем. Есть архаическое время «народов-мифотворцев», но есть и индивидуальное воссоздание мифа, свойственное и современным людям. И тогда, и сейчас, в центре этой деятельности лежит то или иное мифологическое «событие», некая «сущность мира» [5, с. 17].

Теория коллективного бессознательного допускает, что современная мифологическая конструкция мира имеет свой толчок, и общие корни как с «древним» действием, так и вообще с «универсальным человеческим» феноменом, которым является «генетический опыт» [5, с. 31]. Многообразие различных психотипов человека, другие индивидуальные его особенности, а также многообразие культур и хронологическое различие подчинены «генетическому опыту», за которым стоит духовная субстанция, Дух. «Дух создал человека творческим» [5, с. 295-296].

В сновидениях и сказках проглядывает момент субстанционально-вечного, мифологического; он срабатывает таким образом, что разрешение той или иной трудности, появляющейся в них, приходит или само собой, или со стороны – как дар. Это свидетельствует о том, что бессознательная часть человека улучшает его, мобилизует, или даже – спасает. Бессознательное поэтому представляется «знанием», «интуицией» и «нравственными качествами» [5, с. 304]. Бессознательные образы отражают многообразные состояния, фундаментально затрагивающие человека, но скрытые от повседневной сознательной практики, и не зависящие, по сути, от нее. В сновидениях и сказках бессознательное представляется во «внечеловеческой форме», хотя может действовать и человеческим, рациональным способом. Можно наблюдать взаимоотношение сознательного, бессознательного и «внечеловеческого» (субстанционального). К.Г. Юнг перечисляет элементы этого взаимоотношения: это «оппозиция», «троичность», «целостность», «полярность» [5, с. 322].

Значит, в мифе выражается многофункциональное стремление к достижению бессознательного образа или смысла; конструирование мифологической реальности есть привлечение бессознательного на свою сторону, для участия в этой конструкции: «мы в определенной степени должны выделять в бессознательном слой, который можно обозначить как личное бессознательное» [6, с. 189]. Таким образом создается средство анализа того или иного «понятия», «суждения» и «рассуждения», которое основывается на скрытой в глубинах психики каждого человека бессознательной субстанции, существующей в общем виде вне его. По своей природе эта субстанция нелогическая, поэтому исследователю речевой и мыслительной практики человека надо выбирать: или заниматься описанием «коллективно-подсознательных психологических мифоподобных

символов-архетипов» [7, с. 18], или заниматься логикой без экзистенциальных предпосылок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стешенко Н.И. Логика. Учебное пособие в 3 ч. Часть 1. Ростов-на-Дону, Таганрог: ЮФУ, 2021. 180 с.
2. Гладких Ю. Логика без экзистенциальных предпосылок (1984). Введение // EN APXH. Философское и культурологическое осмысление: феномен восточнохристианской цивилизации. 2003. № 2. С. 36-47.
3. Арним Г. История античной философии. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
4. Вундт В. Система философии // Вундт В. Психология народов. М., С.-Пб. 2002. С. 117-862.
5. Юнг К.Г. Душа и Миф. Шесть архетипов. М.: ЗАО «Совершенство», Киев: Порт-Рояль, 1997. 382 [1] с.
6. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М: Канон, 1994. 317 [2] с.
7. Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. / под ред. С.А. Токарева. Том 1. М. 1991. С. 11-20.

REFERENCES

1. Steshenko N. Logika. Chast' 1. [Logic. Part 1]. Rostov-on-Don, Taganrog: SFEDU, 2021. 180 p. (In Russian)
2. Gladkih Y. Logika bez ekzistencialnyh predposylok (1984). Vvedenie. [Logic without existential Prerequisites. Introduction] in: EN APXH. 2003. # 2. P. 36-47. (In Russian)
3. Arnim G. Istorija antichnoj filosofii [History of Ancient Philosophy]. Moscow: LKI, 2007. 264 p. (In Russian)
4. Wundt V. Sistema filosofii [The Sytem of Philosophy] in: Wundt V. Psihologija narodov. Moscow, Saint-Petersburg. 2002. P. 117-862. (In Russian)
5. Jung K.G. Dusha i mif. Shest' arhetipov [Soul and Myth. Six Archetypes]. Moscow: Sovershenstvo, Kiev: Port-Royal', 1997. 382 [1] p. (In Russian)
6. Jung K.G. Psihologija bessoznatel'nogo [Psychology of unconsciousness]. Moscow: Kanon, 1994. 317 [2] p. (In Russian)
7. Tokarev S., Meletinskij E. Mifologia [Mythology] in: Mify narodov mira. Encilkopedia [Myth of the people of the World. Encyclopedia] / ed. S. Tokarev. Moscow. 1991. P. 11-20. (In Russian)